

Дунай

...¹Выходили удалы добры молодцы,
Выходили молодцы да вон на улицу,
Седлали, уздали бы добрых коней
Во ту же узду да во тосмянную,
Во то же седёлышко тоцёное,
Двенадцать кладут-то подпруг шёлковых,
Тринадцету кладут чересхребётную,
Не ради басы — всё ради крепости,
Ради прытости лошадиной —
Не оставил бы добрый конь в чистом поле.
Не видели поездки богатырской,
Только видели их, как в стремя ступили,
Скопóтили желты пески сыпучия:
Не видно ходеча красна солнышка.
Они долго ли ехали, коротко ли,
Не дошёд было города Леховитского,
Становились молодцы да во чисто поле,
Говорит-то Дунай да сын Ивановиц:
«Ты ой еси, Добрынюшка Микитиць блад!
Останся ты этта во чистом поле,
Оставляю я те да нынь прометоцькю:
Поставлю копя я вверх тупым кончём,
Положу на копейчо я копеечку,
Да ту же копеечку серебряну;
Когда это копейчо да зашатаице,
Потемнит бы копеечка серебряна —
Я буду у казни у смертной,
Гони ты, Добрыня, скоро-на́скоро,
Заставай меня живого, добра молодца».
Да поехал Дунай в город Леховицкия,
Ко тому же Семёну Леховитскому,
Приежжает ко городу Леховитскому,
Ко той же ко гриденки ко светлой,
Ставаёт Дунай да со добра коня,
Он лазит во гриденку во светлую,

Да Богу молитце у их некому,
Тольки бьёт челом на вси чотыре стороны,
Самому-то Семёну на особинку:
«Ты здравствуй, Семён да Леховитския!» —
«Ты здравствуй, Дунай да сын Иванович!
Куды-то ты едёшь, куды путь держишь?
Кабы мне-ка ты приехал в услуженьице?»
Говорит-то Дунай да сын Иванович:
«Не тебе я приехал в услуженьице,
Приехал я к те да нынь посвататце
На той Опросеньи дочь Семёновны
За того же ли за князя за Владимира».
Говорит-то Семен да Леховитския:
«Ты ой есь, Дунай да сын Иванович!
Не стара заслуга твоя прежняя —
Отсек бы я у тя по плечь голову».
Говорит-то Дунай и во второй након,
Говорит-то Дунай да не с упадкою:
Он топнул-то правой ногой во кирпичат пол —
Подрожали полаты кнеженевския.
Да сам говорит-де таковы речи:
«Отдашь буди честью, возьму с радостью,
Не отдашь буди честью, возьму нечестью:
Мы всё твоё царсво под мець выклоним,
Заморим мы тя в злодейке земляной тюрьме».
Да тут бы Семён да осержаитце,
Скакал бы Семён да на резвы ноги,
Выбегал бы Семён да вон на улечу,
Играл бы Семён да он во турей рог,
Нагонил силы многим множество —
Сохватали удала добра молодца,
Свезали во пúтенки шелковыя,
Садилы на тележку-двоеколочкю,
Повезли-то ко казни ко смертнойей,
Ко смертнойей казни к позорнойей:
Речистой езык да вынет теменём,
Да ясны-ти оци-ти — косичами,
Ретиво сáрцо — промежу плецьми.
По праву руку идёт силы сорок тысецей,

По леву руку идёт сорок тысяцей,
Перед-то его да числа-смету нет,
Позаде-то его да числа-смету нет —
Кабы плацёт Дунай, да как река тецёт.
Немножко поры-де миновалосе —
Наежжает Добрынюшка Микитиць блад.
У ясна сокола да крыльё óтросло,
У добра молодца вдвоё силы прибыло,
Разрывал-то он путинки шелковыя,
Скакал-то Дунай да на резвы ноги,
Ухватил-то тележку-двоеколочкю,
Да вперед-де махнет — дак лежит улича,
Назад отмахнет — с переулками,
Добирайтче Дунай-де до добра коня.
Добрался Дунай-де до добра коня,
Садилса Дунай-де на добра коня,
Они секли, рубили до единого.
Выходил Семен да вон на уличу,
Кланетця им да понижешенькю:
«Вы ой есь, удалы добры молодцы,
Вы сильни могуци руськи багатыри!
Умирите-тко серчо своё ретивоё,
Оставьте хоть малого, либо старого».
Умирились удалы добры молодцы,
Приежжают ко гриденки ко светлой,
Срежатча Опросенья дочь Семёновна,
Да плацёт Опросенья, как река тецёт:
«Кабы мая да нынь родна сёстра,
Кабы та же Настасья дочь Семёновна,
Ты ой есь, Дунай да сын Ивановиць,
Кабы она бы с тобой да поотведалась!»
Средились удалы добры молодцы,
Посадил Дунай да позади себя,
Посадил Опросинью дочь Семеновну,
Поехали удалы добры молодцы,
Поехали они да в стольнё Киев-град.
Они долги ли ехали, коротко ли,
Нашли они ископыт конинную,
Говорит-то Дунай да сын Иванович:

«Ты ой есь, Добрынюшка Микитиць блад!
Посажу я те Опросинью нынь назад в седло,
Ты поедь-то, Добрыня, в стольнё Киев-град,
А назад-то суда не ворочайся,
Я поеду по ископоти конинной».

Он поехал, Дунай да сын Иванович,
Он долго ли ехал, нынь коротко ли,
Заздріл: на чистом поли стоит чёрн шатёр.
Приехал ко шатру да нынь ко чёрному,
Он откинул полу ие левую,
Заходит Дунай да нынь во чёрн шатёр,
Да спит-то Настасья — не пробудитце.
Лежилса Дунай ей на праву руку.
Разбужатча Настасья дочь Семёновна,
Схватила Настасья нынь востру саблю,
Здымала Настасья выше головы —
Остоялось рука, да рука правая,
Как будит Настасья дочь Семёновна,
Разбужаитця Дунай да сын Ивановичь.
Выходили они да вон на улечу,
Схватился Дунай да со Настасьюшкой,
Они долго ли водилисе, коротко ли,
Сысполнилось времё трои сутоцьки,
Как мецёт Настасьюшка Дунаюшка,
Как метала Настасья на сыру землю,
Садилась ему дак на белы груди.
Немного поры дак миновалосе,
Наежжает Добрынюшка Микитиць блад,
Да сам говорит-де таковы реци:
«Ты ой есь, Дунай да сын Ивановичь!
Нам не чесь-то, хвала да молодецкая,
Не выслуга будёт богатырская
Лёжать-де под гузном нынь под бабьим тим;
Да баба-то, право, нынь задом пухла,
Треси ей за пельки, пинай пód гузно».

Дунай тряс ей за пельки, пинал пód гузно —
Слетела Настасья со Дунаюшка.
Скочил-то Дунай на резвы ноги,
Садился Дунай ей на белы груди,

Да хоцёт пороть-де груди белыя,
Да хоцёт смотреть да ретиво серцо.
Да плацёт Настасья, как река тецёт,
Сама говорит таковы реци:
«Ты возьми миня, Дунай, да во супружесво,
Принесу я те два угодыя, два великия,
Два-ти жо, два сына, два любимыя:
По колен-то ноги да будут в золоте,
По локот-то ведь будут руки в серебре,
Во лбу-то ведь будёт красно солнышко,
В тылу-то ведь будёт бла-светёл месяц,
По косичам-то будут тут есны зори,
По верховишшу будут часты звездочки».
Говорит тут Добрынюшка Микитиць бла-д:
«Прости её, бабу, во первой вины».
Ставает Дунай дак на резвы ноги,
Берёт-то Дунай дак за белы руки,
Челуёт Настасью в сахарны уста,
Поехали они вси в стольнёй Киев-град.
Приехали они да в стольнёй Киев-град,
Стрецяют-то их да кнези-бóяра,
Да сильны могучия багатыри,
Стрецяёт Владимир стольно-киевской,
Берёт Опросинью за белы руки,
Челуёт Опросинью в сахарны уста.
Крещона Опросинья — миром не мазана,
Заводили во церквю во божью тут,
Мазали видь миром православным,
Ставал Владимир на подножек-от
Со той Опросиньей дочь Семёновной,
Спринимал-то Владимир золоты винчи
Со той Опросиньей дочь Семёновной,
Выпивал-то Владимир чару заздравную
Со той Опросиньей дочь Семёновной.
Пошёл-то Владимир он из церкви вон,
Заходили во полаты белокаменны,
Да пир-от пошёл, пир навёсело.
Обвенчался Дунай да сын Ивановиц,
Обвенчался Дунай да со Настасьюшкой,

Да вси на пиру да пьяны-веселы,
Да вси на пиру да прирасхвастались,
Как хвастат Дунай да сын Иванович:
«Я горазд-де, Дунай, на во примет стрелеть».
Говорит-то Настасья дочь Семёновна:
«Ты не хвастай, Дунай да сын Иванович!
Сама я, Настасья, не хилé тебя
Да стрелеть во приметоцьки приметныя».
Кабы тут-то Дунай да осержаитце,
Выходил-то Дунай да вон на улицу,
Да сам говорит да таковы речи:
«Выходи-тко, Настасья дочь Семёновна».
Выходила Настасья вон на улицу,
Относила приметоцьку в чисто полё,
Да ту же приметоцьку — злачен перстень,
Натегивала Настасья свой ведь тугой лук,
Кабы стрелила Настасья во чисто полё,
Да в ту же приметоцьку злачен перстень,
Прострелила Настасья свой злачен перстень.
Осержаитце Дунай да сын Иванович,
Поводит Настасью во чисто полё,
Уговариват солнышко Владимир-князь,
Уговариват Опросинья дочь Семеновна:
«Ты ой есь, Дунай да сын Иванович!
Умири свое сарцо нынь ретивое,
Прости её, бабу, во первой вины».
Богатырское серцо-то заплывчиво,
Не миритче Дунай да сын Иванович.
Как плацёт Настасья, как река течёт,
Сама говорила таковы речи:
«Прости меня, Дунай, да во первой вины,
Не стреляй меня, Дунай да сын Иванович:
Да есь два угодьа во мне великия,
Два чада жо, два чада, нынь два милыя,
Два чада жо, два сына, два любимыя,
По колен-то у их ноги в золоте,
По локот-то у их руки в серебре,
Во лбу-то у их красно солнышко,
В тылу-то у их светёл месяц,

По косичам у их есны зори,
По верховишшу частыя звездочки».
Не слушаёт Дунай да сын Иванович,
Он клал ей ведь на голову золото кольцо,
Он ей стрелил, Дунай, в золото кольцо,
Прострелил Дунай ей груди белыя,
Розломил-то у ей да грудь он белую,
Розрубил-то у ей да ретиво сарцо,
Смешал-то ей да кров со печенью,
Он увидел у ей два угодыча,
Два-ти жо, два чада, нынь два милья,
Два-ти жо, два сына, два любимыя:
По колен-то у их ноги в золоте,
По локот-то у их руки в серебри,
Во лбу-то у их красно солнышко,
В тылу-то у их светёл месеч,
По косичам у их есны зори,
По верховишшам частыя звездочки.
Богатырско серцо нынь заплывчиво;
Изуоставил Дунай своё востро копье,
Изуоставил Дунай да 'сё во белу грудь,
Кабы ткнул копьем себе в белу грудь,
Ищэ поворотитця у Дуная езык в головы:
«Где пала-то нынцѣ бела лебедь,
Да пади-ко-сё тут да и есен сокол».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., д. Бедовая Пустозерской вол. (зап. в сел. Оксино) — от Маркова Павла Григорьевича, 76 лет.)

1 Во городе стольном Киеве
У ласкового князя у Владимира
Завелся у князя почесен пир
На тех князей, бояр толстобрюхиих,
На дальных гостей — купцей торговыиих,
На честных жен ихных, на купеческих,
На руських могучих на богатырей,
На злых палениц да преудалых,
На тех мешшан да пригородных,
Людей посадскиих,
На всех крестьян да православных.

Пир идет у князя о полупира,
Стол идет о полустола,
День идет ко вечеру,
Солнышко катится ко западу,
Князь-от стал да пьянешинек,
Пьянешинек, да веселешинек,
По полу стал похаживать,
С ноги на ногу переступывать,
Тихо-смирну речь стал князь да выговаривать:
«Все молодцы сидят у меня да поженены,
Красны девушки все повываны,
Один я, солнышко, холост хожу,
Холост хожу, да не женат живу,
Не знат ли кто мне полюбовницу,
Полюбовницу да супротивницу?
Мне така нужна: станом статна,
Да полна возрастом,
Лицом бела, да волосом руса,
Речь-говоря — тихо-смирная,
Тихо-смирная, да со умылкою».

Все тогда на пиру приумолкнули,
Большой-от хоронится за среннего,
А сренней за меньшаго,
А от меньшаго большому ответу нет.
Из-за того стола серенняго,
Со той со лавки дубовой скамьи
Вставал удалой доброй молодец
По прозванью Дунай да сын Иванович:
Подходил Дунай ко князю Владимиру,
Нижешенько князю покланяется:
«Позволишь ли мне, князь, слово вымолвить?
Не позволь за слово казнить-повесить
Але выслать меня да в ссылки дальныя».

Говорит-то солнышко Владимир-князь:
«Говори ты, Дунай, да не упадывай,
Ни единого словечка не утаивай —
Не будешь мной казнен, не будешь вешаной,
Не будешь выслан в ссылки дальныя».

Говорит тогда Дунай сын Иванович:

«Жил я за морем за синиим,
У Семена, царя Лиховитого,
Жил у него целых три года.
Есть у Семена три дочери:
Больша — Авдотья Семеновна,
Учена она в хитру грамоту,
Училась она ездить-гулять и конем владеть,
И копьем шурмовать;
Втора дочь — Анастасия Семеновна,
Учена она в хитру грамоту,
Училась она ткать и прясть, и шелком шить;
Третья — Апросинья дочь Семеновна,
Станом статна, полна возрастом,
Лицем бела, волосом руса,
Речь-говоря тихо-смирная,
Тихо-смирная, со умылкою,
По полу идет — не трехнется,
Цветно платье на ней не ворохнется,
Скозь ей рубашку тело видети,
А сквозь ей рубашку тело видети,
Из кости в кость мозг переливаются,
Как скачен жомчуг перекатаится —
Есть кому перед князем стать
И есть кому честь воздать».

Владимир-князь был догадливой,
Говорит князь да таково слово:
«Ой вы гой еси, мои стольнички,
Молодцы мои подносчички!
Наливайте-ко чару зелена вина,
Не велику, не малу — полтора ведра».

Скоро подносчики не замешкались,
Наливали чару зелена вина в полтора ведра,
Прибавляли чашу пива хмельнаго,
Турий рог да меду сладкаго,
На закуску колачик бел-крупичатой,
И поднес князь чару Дунаю Ивановичу:
«Ой ты гой еси, Дунай да сын Иванович!
Выпей-выкушай от меня, князя Владимира».

Берет Дунай чару во праву руку

И пьет чару с ёдину духу.

Говорит тогда солнышко Владимир-князь:

«Съезди, Дунай, посватайся».

Говорит ему Дунай да сын Иванович:

«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!

Дай мне-ка двух товарищов,

Одного — Добрынюшку Микитича,

Другого — Алёшиньку Поповича».

На то Владимир был догадливой:

«Ой вы ой еси, мои стольнички, подносчички!

Наливайте-ко вы чару зелена вина в полтора ведра».

На то стольнички не замешкались.

Наливали чару зелена вина в полтора ведра,

Подносил-то князь по чаре обоим богатырям.

«Съездите, робята, послушайтесь, посватайтесь».

Скоро робята сряжаются,

Скорé того да отправляются,

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.